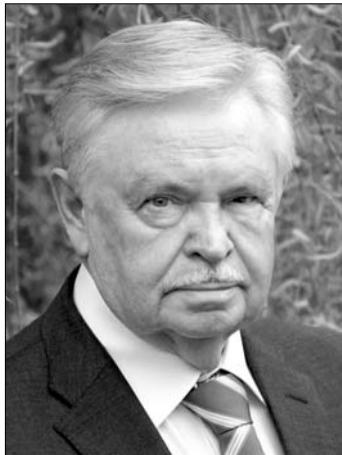

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ

СВОРА

РАССКАЗ

1

Если кому это не ведомо, сообщу замеченное ещё многие века тому назад: собаки награждены предчувствием.

Вообще-то этим свойством природа одарила и всех иных существ в мире — и кошек, и змей, к примеру. Да и человека тоже. Только его — в последнюю почему-то очередь. Наверно, потому, что к себе самому он плохо прислушивается — всё более слушает чужие рассуждения и, может, единственный во всей природе оборудован так, что способен глядеть, а не видеть, слушать, но не слышать, чувствовать, но чувствам своим не верить.

Собакам же, да ещё одиноким, брошенным, отринутым людьми, — ничего иного не остаётся, как прислушиваться к своим предчувствиям.

2

Брэк давно чувствовал неладное.

Обретался он на странном плоскогорье неподалёку от громадного города, и эту возвышенность создали люди.

ЛИХАНОВ Альберт Анатольевич родился в 1935 году в г. Кирове. Окончил Уральский государственный университет им. Горького. Автор многих книг. Лауреат государственной премии России, премии Ленинского комсомола, международных премий им. Я. Корчака, М. Горького, многих других отечественных и зарубежных наград. Удостоен премии Президента РФ в области образования и премии Правительства РФ в области культуры. Председатель Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов. Академик Российской академии образования. Живёт в Москве.

Нет, они не замыслили что-то такое построить, соорудить, возвести. Просто немало лет назад кто-то из них назначил площадку для городской свалки, и на это место стали свозить всякий мусор. Время от времени человеческие отходы возгорались, и они тлели, издавая отвратный дух, их поливал дождь, и пожары угасали или прятались в мусорные глубины, тлея, выгорая, образуя опасные ямы. Дальше всё это схватывал мороз, потом мусор оттаивал, оседал, уплотнялся, нарастал по несколько метров в год, как не вырастает ни одна гора в мире.

Да, это была настоящая гора, но гора без вершины, этакое плоскогорье, не которое теперь, фырча и подвывая, на нижних скоростях медленно, будто громадные оранжевые жуки, взбирались тяжёлые самосвалы, гружённые всем, что только отработало или выбросило человечество.

Когда-то тут никого не было, плоскогорье называли полигоном, и правили тут наглые крысы. Их было великое множество, и они не боялись нападать даже на собак, особенно одиноких и небольших, так что ещё не каждая псина отваживалась углубляться в пространства полигона. Оно походило на некий отдельный мир, если и не затерянный, не забытый, то пустынный, дикий и одинокий.

Потом здесь появились люди.

Наверное, просто настали такие времена, что вслед за крысами и собаками свалка понадобилась человеку.

Они выкапывали землянки прямо в мусоре. Или строили ветхие кибитки с лазами вместо дверей, а сверху опять насыпали разный мусор — пластиковые щиты, обломки досок, основы оконных рам без стёкол и всё, что могло согнуться, чтобы появилась крыша над головой и с боков не дуло.

Странное дело, но хлипкие эти постройки оказывались довольно прочными — их, как и всё вокруг, прибивал дождь, снег, они будто срастались с плоскогорьем, по краям которого возникали сами, похожие на наросты, на бородавки, выросшие на и так-то неприглядном лице полигона.

3

Но вот, примерно за неделю до Нового года, бомжи, как называли людей, проживавших в халупах мусорного плоскогорья, стали покидать свои жилища.

Брэк вместе со своей сворой разглядывал их издали, слушал их голоса, непривычно бодрые, совершенно не удивлялся их виду — все до одного чёрные, в чёрных телогрейках, ватных штанах, чёрных валенках с чёрными же калошами или в чёрных ботинках и совершенно не отличающиеся друг от друга своими прокопчёнными чёрными лицами: мужчины от женщин отличались лишь грубостью голосов, да, может, ростом.

Не толпой, а поодиночке, в крайнем случае, по двое, по трое, чёрные люди стали пересекать плоскогорье, спускаться по дорогам, проделанным самосвалами, и исчезать.

Там, внизу, они расходились, разбредались, исчезали в снегопаде, который то усиливался, то слабел, и этот снегопад будто бы затухивал чёрные от грязи и копоти человеческие фигуры, заштриховывал их падающей белизной, и походило, будто сам Господь затирает их существование чистым своим желанием, прячет в необъятных пространствах своих, за греховность их, за бездельность, за отречённость от мира. Стирает снегом сам факт их существования.

4

Собственно говоря, причина, по которой обретались на полигоне и люди, и собаки, как, конечно же, и крысы, была одной и той же.

С утра до вечера тяжёлые машины, взобравшиеся на плоскогорье, вываливали из своего нутра разную нечисть — разнообразный мусор дворовых контейнеров, вещи, вышедшие из употребления, и, что было особенного удивительным — продукты питания, продовольствие, которое запрещалось продавать.

Бомжи в этом деле разбирались. Если привозили, скажем, колбасу, то они не то чтобы обрезали, а грубо обрубали скользкие батоны со всех сторон своим неприятным оружием — перочинными ножами, найденными тут же, или топориками, а то и топорами или даже пилами-ножовками, и жарили эти раскромсанные колбаски останки на огне.

Кусочки сала в колбасах вытапливались, а окрест распространялся аппетитный аромат, на который собиралась и свора, хотя, казалось бы, вон они, батоны колбасы — лежат горой, рви и жри, наслаждайся. Так, впрочем, и поступала крысиная публика. Да и собаки, особенно из вновь прибывших и оголодавших на городских променадах. А опытные члены брэковской стаи имели обыкновение чуточку потерпеть, пока чёрные люди не нажрут до сыта, не запьют хорошо пахнущую колбасу фальшивым пойлом вроде просроченного же пива самых невероятно разных сортов с цветастыми заграничными наклейками или водочной подделкой, запоют, закричат, заматерятся, подберут и начнут подкидывать недоеденную колбасу собакам.

И собаки ждут. Нюхают вкусный дух. А потом хватают подкинутые куски. Терпят.

Потому что они собаки. Просто собаки.

В общем-то, эти люди к собакам относились, пожалуй, безразлично. Вернее, одни видели других, но каждое общество занималось своими делами, не очень-то и замечая друг друга.

Люди находили себе тут работу — собирали в мешки пустые пластиковые бутылки и всё, что сделано из пластика, отдельно стекло, в другие кучи стаскивали металл, в отдельные — всё, что было сделано из дерева.

Раз в день несколько грузовиков, освобождаясь от бесформенного мусора, взамен грузили уже отсортированный груз пластика, стекла, железа и дерева, люди, приезжавшие на этих грузовиках, что-то командовали тутешним, записывали в блокнотики и выдавали взамен лекарства, водку, изредка сапоги или ботинки. И только очень редко — деньги.

Да деньги и не требовались здесь — на плоскогорье магазинов не было. Всё на всё обменивалось — это понимали даже собаки. Как понимали они и то, что лучше держаться подальше, когда люди обмениваются друг с другом своими товарами. И уж особенно, когда они подтаскивают к грузовикам свои мешки с сортированным мусором.

5

Так вот, примерно за неделю до чего-то самосвалы перестали взбираться на плоскогорье, а бомжи спустились вниз, и снег растворил их в пространстве.

Собаки остались одни.

Всё, что можно было подесть, оказалось съедено, или мороз превратил в камень. Целыми днями они медленно двигались по плоскогорью, копались в мусоре или лежали, пока снег не превращал каждого из них в сугроб. Под снегом получалось теплее, но не совсем.

Брэк, в крови которого смешалась сибирская ездовая лайка и подмосковный безродный дворник, унаследовал материнские достоинства — он был терпелив, вынослив, несмотря на голод, не хватал еду, тронутую смертной заразой, и поэтому пережил уже многих своих сородичей.

Когда снегу засыпал его и согрел, он вспоминал свои лучшие годы, хотя и сейчас был вовсе не стар. Но прошлое!

Ему повезло со свободой, существу по кличке Брэк. Да и имя-то его было человеческой командой. Означало — стой, назад, отступи. Наверное, в юности у него характер был такой, что ли? На всех он летел сломя голову, рыча и раскидывая пену из пасти — будто порвать хотел, хотя ничего такого у него и в голове не было — просто он торопился, просто старался как можно скорее приблизиться к цели, а потом встать на малом от неё удалении и лаять, лаять, призывая хозяина, пока он не выйдет, пока не крикнет — “Брэк” — и только после того отойти, и если уж сильно разъярён хозяин, то и завилать хвостом в знак будто бы совершённой ошибки.

Но ошибки никогда не было. И он начинал всё сначала всякий раз, когда кто бы то ни было пересекал без стука территорию, подлежащую охране; и если по какому-нибудь глупому — для них, конечно, — случаю заповедную черту пересекала собака или кошка, Брэк исполнял свою миссию жестоко, до конца, и команды хозяина, даже если они и звучали, не принимались к сведению.

Хозяина Брэка звали Анзор, имя, как казалось Брэку, близкое к собачьему, и властелин, может, по этой причине, в общем, понимал своего пса. Он никогда его не дрессировал, никогда не цацкался, не умилялся ладностью и злобой своего пса, лишь изредка приговаривал слова, из которых следовало, что он одобряет охранные старания Брэка, который вдоль забора, ограждавшего жилище, протоптал свою тропку и обегал её по сто раз в день с целью обозрения владений, их неприкосновенности и лая, который бы пояснил всему, что находилось за пределами — не простую, а усиленную охраняемость поместья.

Впрочем, помещьем этот дом в дачном посёлке назвать было нелегко, хотя участок и был просторен. А дом — как дом, из старых времён, деревянный, обшитый крашеными досками голубоватого цвета, со временем посеревшего по той причине, что голубая-то краска облупилась и осыпалась.

Анзор приезжал поздно и кидал Брэку кое-как нарубленные куски колбасы или, матерясь, открывал банку с тушёной или даже ветчиной какой-нибудь дорожкой — и бросал псу. Тот жадно жрал, облизывался, часто рвал впопыхах язык о зазубрины банок, и наутро Анзор, выходя на улицу, опять материл всё вокруг себя и варил Брэку какую-то похлёбку — подносил к будке кастрюлю и укатывал на своём дорогом чёрном автомобиле на целый день, а то и на два, на три дня, а ведь между ними — ещё и ночи.

Брэк ликовал, когда хозяин был дома, старался как угодно услужиться и выполнить любую команду, которых, впрочем, не знал. Но Анзор был малословен, появлялся в доме, чтобы отоспаться, исчезал вновь, и Брэк помнит только редкие случаи, когда хозяин оставался надолго.

В такие дни он был не то чтобы ласков, но добродушен, говорил с Брэком, меняя языки, — то русский, то грузинский, то какой-то ещё, и псу оставалось слушать только интонацию. Интонация же была доброй, мужицкой, вовсе жалевшей Брэка, к нему чувств не изливавшей, а как будто что-то объясняющей. На равных. По-братски.

Потом случилось событие шумное, для Брэка непонятное, потому что сначала Анзор купил где-то цепь, прибил её накрепко к собачьей будке и, чуть не задушив, застегнул на Брэке ошейник.

Пёс лежал возле будки, ничего не понимая. Было летнее утро, поначалу прохладное, но к полудню стало жарко, и Брэк перебирался из тени в тень. Далеко, впрочем, спрятаться было нельзя.

Ворота своего участка Анзор распахнул ещё с утра, и вот с полудня в них стали заезжать пугающие Брэка чужие машины — всё почему-то чёрные, сияющие фарами, металлическими частями, поначалу жаркие, но потом утихающие и остывающие.

Эти машины закрывали Брэку обзор, он вынужденно подавал голос. Тогда Анзор просто подошёл к нему — нарядный, красивый, весёлый, говорливый, — произнёс без всяких интонаций что-то непонятное своему самому верному существу — громко и как бы перед кем-то выхваляясь — и больно ударил его ногой, обутой в блестящий ботинок. Брэк взвизгнул и, обидевшись, спрятался в будку.

Он пролежал там, несмотря на жару, весь день и не вышел даже, когда стемнело, и машины с людьми, снова ожив, засияв фонарями и громко-гласно фыркая, выкатились за ворота.

Потом он услышал голос хозяина.

Тот говорил примирительно, звал выйти. Брэк неохотно подчинился. Выбрался из будки, отворачиваясь от Анзора. Хозяин снял ошейник, бросил цепь в сторону.

Поставил Брэку миску, наполненную яствами. Чего там только не было! Вкусные куски мяса, холодец и ещё что-то, никогда не пробованное.

Брэк понюхал пищу, но отвернулся, отошел в сторону. И лёг.

Анзор что-то говорил извиняющимся голосом. Потом, покачиваясь, ушёл.

Брэк тотчас вскочил и приблизился к миске. Нет, не всё тут подходило ему. Холодец, колбаса, немного мяса. Но другое мясо пахло как-то необычно. И колбаски были очень острыми на вкус. Пришлось отойти и долго пить из другой миски.

Ночью пошёл дождь, просто ливень. Сверкал сверху яркий свет, а потом раздавался грохот. Брэк боялся непонятных взрывов. Он спрятался поглубже в будку и всё ждал, что Анзор позовёт его в дом. Так было всегда прежде, когда начинался дождь, но хозяин молчал.

Только один раз ему почудился слабый крик:

— Брэк!

Тут же громыхнуло и раз, и два, пёс вжался в будку и не вышел на улицу.

Он выбрался наружу, когда приблизилось самое раннее утро, и гроза откатилась.

По земле ещё текли мутные ручьи, и Брэк пошёл к дому.

И тут он увидел хозяина. Анзор в черных брюках и белой рубашке, такой нарядный, такой праздничный, лежал на земле.

Брэк побежал к нему, виляя хвостом и повизгивая — ему показалось, что хозяин просто ошибся и не туда лёг. Его же место в доме.

Но сразу понял, что это никакая не ошибка. Отпрянул, поняв, что Анзор не живой. Белая рубашка была наполовину красной. Пёс завыл. И вой его становился всё громче и отчаяннее.

Вышло солнце. Во дворе дачного участка, ничем особенным не приметного, лежал мёртвый человек и над ним выла собака.

Часа через три такого воя во двор заглянул любопытный сосед. Потом приехали машины. Не такие, как вчера.

Возле Анзора хлопотали люди. Потом они уехали. Брэк остался один.

Он не носился вокруг забора, лишь пару раз обошёл своё владение.

Никто не вспомнил о нём.

Через неделю одинокой и голодной жизни Брэк выбрался за неплотно притворённую калитку и побрёл, куда глядят глаза.

Через пару дней он набрёл на полигон. По запахам.

6

Осенью собачье сообщество плоскогорья заметно приросло. Хозяева усадеб и дач попроще возвращались в город. Посёлки и садовые хозяйства пустыли, и по весне добрые, охотно принимавшие в свои владения щеночков и котят вольного происхождения, осенью люди становились злыми, а, говоря правду, беспощадными, усаживались в свои или наёмные авто — и уезжали, не оборачиваясь.

Дети чаще всего ревели, особенно маленькие, неразумные — дети вообще всегда дружно оплакивали своих летних друзей, за что и получали взрослые окрики, а то так и затрецины, машины фыркали, исчезали, и животный люд, прирученный за лето, может, и не к ласке, но к обеспечению, к регулярным харчам, к человеческим голосам, как оказывалось, обманчиво ласковым, всё это терял враз, в какие-то минуты и навсегда сиротел.

Это, конечно, же, совершенно не касалось животной публики знатного происхождения, всяких там выставочных пуделей, на одну стрижку которых тратятся целые состояния, всяких шпицев, такс, бультерьеров и прочего по купного собачья, как, впрочем, и породистых кошек.

Их усаживали в клетки, некоторым так и вообще предоставлялись мягкие места в дорогих машинах, даже на первых, рядом с водителем, сиденьях, чтобы ветреные-поперечные могли не только увидеть породистую морду, но и оценить благосостояние хозяев, скромно хоронящихся на заднем ряду.

Так что собачий (и, заметим в скобках, кошачий) мир, как мир человеческий, расслоился на сытых и голодных, на богатых и бедных, нужных и ненужных.

Впрочем, чудеса случались и в мире избранных.

Когда ударили первые холода — а это случилось в ноябре — к брэвской своре прибилась болонка, надо же!

Она стояла перед взрослыми псами как некое сказочное видение, будто пропеллером крутила белым хвостиком, вся снежно-белая, без всяких, впрочем, иных признаков комутонужности — ни ошейничка хотя бы паршивого, ни уж, тем более, бантиков, которыми любят украшать таких вот баловней собачьей судьбы другие баловни, но человеческого рода.

Брэк к тому времени был уже старшим в своре, и для приличия пришлось негромко прорычать, не сердясь, конечно, а скорее поражаясь: откуда ты, мол, милое дитя?

Блондинку немедленно обнюхала вся команда, по очереди, оказалось, это болон, то есть болонка мужского рода, и он как бы выпал из дальнейшей сферы собачьих интересов. Никто его не принимал в свору, здесь каждый был за себя, за исключением решений старшего, который или равнодушно соглашался, или же соглашался, но неравнодушно, скорее с недоверием, и это опять не много значило: в своре приходилось не жить, а выживать и каждому по-своему.

Болонка, которой уж лучше бы оставаться существом женского рода и жить с людьми, в три или четыре дня утратила свою невинную белизну, посерела, потеряла всякую привлекательность и породистость. Бегала она медленно, коротенькими шажками, не обученная двигаться по прямой долгое время, отставала, садилась отдохнуть и однажды бестолково попала под рычащий самосвал, тащивший в гору тяжкий человеческий мусор. Прямо здесь, на полигоне.

Собаки знали, что грузовик, надрывно ползущий вверх, никогда не тормозит — иначе он может сначала забуксовать, а потом и, не дай-то Бог, покатиться назад, а там за ним ползут, выбиваясь из сил, такие же оранжевые жуки. Так что когда машина лезет вверх, под большим углом и по осклизлой, часто ледяной свалочной дороге, близко подходить не следует. Но болонец зачем-то побежал, — может, ошибочно принял за знакомый чей-то чужой человеческий голос? Или по глупости? Или просто не успел перебежать перед машиной? — и вот уже вечером, когда грузовики сползли с плато, собачья свора подошла к дороге и разнюхала то, что осталось от белоснежного создания из чужого мира: уже оледеневший распластанный силуэт, много раз раздавленное существо, плоский коврик из грязной, а когда-то красивой собачки.

7

Из породистых в своре был ещё Мохнач, московская сторожевая. Он поэтому и Мохначом числился, что был большой, лохматый и самой природой предназначался жить зимой на улице, возле людей, да и сторожить: гавкать серьёзным басом, давать знать другим людям — не собакам же — что во дворе, где он обретается, на участке, который охраняем именно им — шутки плохи и к месту сему лучше не приближаться.

Собаки ведь не могут рассказать друг другу, что и как там вышло, и почему Мохнач, в общем-то добротный сторож, вдруг перебрался из стана пугающих в стан испуганных — тоже, как и у Брэка, несчастье с хозяином случилось или ещё какая беда? Но, может же, что и просто надоед? Разве не бывает такого с нетерпеливым людским родом?

Однако же что-то в судьбе Мохнача было неладно. Самый большой, самый, если можно так выразиться, представительный, Мохнач отчего-то тушевался и никогда не шёл первым, а всегда вторым или третьим. Конечно, он не отличался большой скоростью, но это, похоже, не требовалось всей его породе — они же больше сидели, часто и на цепях, а так-то лишь перебегали с места на место, от забора, скажем, к забору, в ограниченном пространстве.

Так что когда свора сходила с полигона и двигалась по улицам и дорогам, Мохнач скоро уставал, задыхался, будто человек, отставал и оказывался в середине собачьей толпы или даже в её хвосте.

Такие предводителями не бывают.

В предводители эти выдвигает жизнь, здоровье и обстоятельства.

Здоровее всех были молодые псы. И их в своре оказалось не меньше десятка. Брэку иногда казалось, что этих кто-то сделал на одну колодку — весь его молодежь был, во-первых, беспороден, во-вторых, одного года рождения — нынешнего же, но весенних или зимних помётов, а главное, все походили друг на друга.

Внешне же молодых можно определить как смесь овчарки — прабабушки или прадедушки, вполне, в общем, породистой линии в третьем от оригинала поколении, и трёх же разнообразных, но не овчарочьих примесей: то ли дворняг, то ли ещё кого из собачьего простонародья.

И получалась фигура: нос и глаза овчарочки, уши простые, не стоячие, болтаются лоскутами, ноги вроде и длинные, но всем телом они, конечно, чуть не вполтину меньше овчарок, а если даже и вровень с ними, то лапы эти слабы, и хвост не то чтобы стелется, будто у хищника, а недостойно болтается, точно ненужная запчасть. Хотя кто же не знает — что такое хвост для собаки! Это как парус для корабля! Как флаг на рее! Как компас на руке командира!

У этих же одинаково скроенных, одинаково рождённых, одинаково и слегка возрадовавшихся однолеток, одинаково кинутых человеками по одинаково же схожим причинам, хвосты висели одинаково уныло. Может быть они, эти хвосты, знали лучше самих их носителей своё собственное будущее? Может, вовсе не в голове хранится собачье предчувствие, а именно что в хвосте?

Похоже на то. Хотя бы по тому, что Брэк, наследник ездовой лайки, хвост которого был всегда закручен калачиком и чем-то, пусть отдалённо, напоминал радар, который постоянно получал сигналы и принимал иные сигналы со стороны, а далее двигался и жил так и тогда, куда вело его личное предчувствие, распознанное удивительным этим прибором, он и стал, без всяких выборов, без всяких там животных схваток и боёв с использованием — у кого рогов, а у кого зубов, — признанным и единственным главой своры.

Он не приказывал, он не рычал, он не наказывал неправых и не хвалил лучших.

Он просто шёл, бежал, нёсся. Или просто лежал под снегом, сохраняя тепло. Или рылся в мусоре и выгрызал остатки жратвы, недоеденной человеком. И вся свора, окружавшая его, следовала действиям своего признанного главаря, умного, знающего и всё предчувствующего.

8

В ночь под Новый год свора спустилась со своего плоскогорья.

Но почему, вы спросите, свора? А не стая?

Да вот именно свора.

У стаи есть вожак — допустим, у волчьей стаи. Этот вожак вырастает в борьбе с другими. На него возлагается ответственность — самой природой. Вожак должен если и не сам добыть пищу для своих маленьких детей или детей своих родственников, да и всех своих сродников, то уметь это организовать своим опытом. Ощущением непрестанной опасности, ведь человек, к которому он довольно часто приближается, его вечный противник, даже враг, и это вражество грозит гибелью всей стае.

В волчьей стае есть свои жестокие правила, которые известны не только волкам, но и людям. А волки об этом не подозревают. Как и большинство диких существ, они, опасаясь всего, сами опасны другим. Тем, кто беззащитен перед ними и кто представляет собой пищу стае, средство к существованию и продолжению волчьего рода.

Что такое стая — это целая наука. И знающие ученые, по названию охотоведы, давно и всерьёз прописали все её признаки.

Ну а что такое свора?

Это слово звучит скорее как ругательство. Применяется и к людям, как будто — в политике. Никто не скажет про группу людей, что они — стая.

Но обозвать сворой вполне сытых, как следует ухоженных и стремящихся к вполне понятной им, но не принимаемой другими цели — простое и определённое выражение.

Это же касается и собак.

Посмотрите: собачье сборище, в отличие от волчьей стаи, людей не боится, приручённое ими, хотя и может их опасаться. Собачья свора, — и это, пожалуй, главное, — не имеет предводителя. Брэк себя никогда им не чувствовал. Ему просто подражали все. Но он же не дрался за власть.

К волчьей стае никогда не прибьётся никто чужой, даже родственник по крови — посторонний волк. Собачья свора открыта для всех — беги с нами, живи с нами, если хочется и у тебя нет другого шанса.

За волчьей стаей гоняются охотники, их страшатся, их не любят и их преследуют. К собачьей своре люди равнодушны. За исключением, может, сердобольных ребятишек, да и то — далеко не всех, да ещё и сердобольных женщин, часто немолодых и морщинистых. Ну, это в них не угасало их собственное детство, наверное. А может, иные и согрешили — сами когда-то, в более розовощёкие свои времена, отвернулись от собственной собаки, бросив на участке, или от своей кошки хотя бы, или не помогли иной любой живой твари, которой ведь могли же помочь, но освободили себя от лишних хлопот — как же часто поступаем мы именно таким образом!

И ещё одно.

Не кажется ли вам, что собачья свора в чём-то очень напоминает человеческое сообщество? Скажем, жильцов одного большого дома? Одного подъезда?

Всем всё равно, кто въехал в этот дом, кто живёт в соседнем подъезде, кто как живёт, кто как себя чувствует, чему радуется и отчего плачет?

Как и в собачьей своре, вроде никто никого не боится, но все всем безразличны: въехал — выехал, здоров — заболел, жив и весел — или просто помер и исчез: близкие и родные, да ещё друзья, да ещё знакомые заплачут, когда что-то утратят, когда исчезнет человек.

Собачья свора бежит дальше. Не оборачивается. Тут нет родственников и друзей.

Всё проще и ясней. Но сильно ли отличается собачья свора от человеческого мира, который сворой называть не принято, однако — как же они похожи друг на друга: люди и собаки. Особенно, брошенные, забытые люди и брошенные, забытые собаки.

9

В ранней зимней тьме свора во главе с Брэком ручейком стекла по своей собачьей тропе вниз. Таких троп, ведущих на мусорное плоскогорье, было несколько, и эта шла к маленькому посёлку, расположенному у самого подножья горы. Деревянные заборы, когда-то отгораживающие свалку от чистой части цивилизации, давно прогнили и местами развалились, и никакой, по сути, границы здесь уже не существовало.

Посёлок вымирал, был маловат, жил тут человеческий народ низкого звания, старичье в небольшом числе, редкие люди рабочего возраста, ну и дети. К собачьим сворам эти жители привыкли сыздавна, видать, не одно псиное поколение пробегало по тугошным невзрачным улочкам со свалки и на свалку, и между собаками и людьми в этом месте был заключён незримый мир о ненападении, невнимании, незамечании.

Не ускоряя шаг и ничего не опасаясь, свора Брэка пошла своим путём возле пары-тройки малышей, пробежала, не ускоряя шага, мимо немолодой женщины, лишь чуточку замедлившей шаг, и между двух вполне нетвердых существ в шапках с торчащими зачем-то шапочными ушами, отчего они отдалённо напоминали зайцев, и ушла к автостраде.

Вот автодорога была опасным местом. Она изрыгала гарь и газы, она издавала неумолкаемый шелест и шум, лишь изредка прерываемый клаксонами. Собаки чуяли неостановимую мощь движущегося — но это было не жи-

вое движение, а бесчувственно-отстранённое, никого не щадящее и ничего не принимающее во внимание.

Брэк да и остальные знали, что дорога — это то, что надо обходить стороной, а если и преодолевать, то, пожалуй, только в предутренние часы, когда поток на шоссе редееет, утомлённые водители съезжают на обочину или специально отведённые площадки — но там ночевали грубые мужики с больших машин, а остальные водители куда-то доезжали и с дороги исчезали. С этими грубыми мужиками Брэк вообще-то любил иметь дело. Они хоть и рыкали, и могли свистнуть, пугая новичков, но, в общем, не отвергали собачий люд — то кинут кусок хлеба или даже целый батон, начинающий черстветь, то куриные кости, а то и ещё что повкусней — на всех не хватит, но в своре никто никогда и не думает про всех. Кинули — и скажи спасибо.

Зато сейчас, в эту стылую предновогоднюю ночь, трейлеры неслись с умноженной скоростью, легковушки же едва не бились друг о друга, обгоняя и злясь. Пересечь шоссе было невозможно, да Брэк и не помышлял об этом.

Странное дело, он не знал, куда бежал. Ясно, что бежал от голода и был ведом неопределённым предчувствием чего-то странного, уже случавшегося в его жизни и очень нежеланного. Пугающего.

Он бежал от страха, он хотел бы еды, но он не знал точно, куда ведёт его дорога.

То, что подсказывал его инстинкт, или чутьё, или предчувствие — назовите собачье беспокойство любым из этих слов, — никак не укладывалось в здравый собачий смысл. Он бежал туда, двигаться куда не было ровно никакого смысла. Он шёл туда, где его не только никто не ждал, но где вообще ничего не было.

Он упорно шёл сам, увлекая за собой ни о чём не ведающую свору, к даче, где когда-то жил сам, где чуть не околел с голоду и где убили его жестокого, но любимого хозяина. И где, конечно, теперь ничего не было. Чёрный забор, тёмный дом, нетронутые сугробы.

Зачем? Он же хотел есть. Жрать хотели и остальные, но он об этом не думал. А если так, почему они бегут за ним, так доверяясь никакому не вожаку, не предводителю, не вождю, а просто одному из них, ну — чуть постарше, ну, чуть поопытнее и умнее — но такому же! И ни за что не отвечающему!

Видно, ещё и этим собачья свора напоминает человеческую — беги за первым, не рассуждая, даже если знаешь, что всё это впустую — всё равно беги, потому что выбора нет и деваться некуда.

Неожиданно, и как-то враз, будто невидимая рука подала знак, шуршание шин стало стихать, автомобильная стена, движущаяся в разные стороны, сразу поредела.

Брэк понял, что шоссе пора пересечь, если он не отрекается от своей бесцельной цели.

И что-то по-прежнему указывало ему на следование человеческим правилам. Бежать через трассу всей сворой в пятнадцать — или сколько их там? — собачьих душ даже теперь опасно. Вырулит откуда-то молчаливая железная тень, выскочит из тьмы ярко сияющий убийца не только собак, и зацепит, а то и нарочком врежется в свору — нет, допускать такое было бы не по-собачьи.

И он побежал к близкому мосту, пересекавшему шоссе, к развязке, состоявшей частью бесконечного движения, сейчас, впрочем, пустынному.

Прибавив ходу, свора быстро и безопасно пересекла шоссе прямо над ним, и углубилась в пространство, состоящее из дачных посёлков.

Один почти примыкал к другому, а все они сливались в предместье гигантского города, куда на Новый год и мчались, скакали, летели эти разнообразные автомобили. И куда, сам не зная зачем, стремился Брэк.

10

Они вошли, точнее, вбежали в посёлок, где жил когда-то и верно служил Брэк, и хотя многое тут переменялось — заборы так просто выросли до самого неба, превратив дороги в ставшие отчего-то узкими коридоры, а это

опасно и для собак, и для людей, — всё же место оставалось узнаваемым.

Упрямо двигаясь по коридору, из которого некуда выскочить, Брэк медленно утишал свой ход.

Вот ведь! Он бежал к тьме, к пустоте, покинутости, раз исчез хозяин, бежал, ведомый странной необходимостью ещё раз, перед чем-то окончательным, убедиться, что место его обитания необратимо безлюдно и пусто, а его ожидало разочарование. Да и какое странное!

У тёмных когда-то и очень даже невзрачных ворот появилась такая крыша, внизу которой были вделаны яркие, слепящие лампочки, да и сами ворота превратились в железную стену, с железной же, рядом, калиткой.

Пока Брэк удивлённо глядывался в перемены, постигшие ворота, на свору рухнул сзади сноп солнечного слепящего света, и собаки прижались к заборам, а ворота брякнули, стукнули и под тихий гул поехали в сторону.

Брэк был чутью в стороне и, ясное дело, ближе всех к воротам. Когда машина, прибавив газу, двинулась вовнутрь двора, сердце его зачастило, и он украдкой двинулся вперёд, укрывавшись от людей телом автомобиля.

А людей во дворе была целая толпа. Кричали и махали руками неизвестные дети, одетые в опрятную одежду, кричали и махали руками женщины и мужчины, выскочившие на улицу прямо в платьях и костюмах.

И все эти люди, встречавшие, похоже, самого главного из них, шумели, кричали, говорили, ничего и никого не замечая, а машина остановилась, хлопнула дверца, басовитый человеческий голос возбуждённо загудел слова, и Брэк, пользуясь суетой, шмыгнул к бывшей будке, к сараю и потом на свою трассу, вдоль забора.

И без всяких разъяснений, по запахам, голосам, звукам было ясно, что теперь здесь живут другие люди, а потому и незачем было удивляться, что трасса вдоль забора, натоптанная Брэком, была завалена снегом и оказалась совершенно непригодной для службы, для его, Брэка, караула.

Но он зачем-то пробежался по ней.

Остановясь в тени кустов возле ворот, он прилёт в сугроб.

Дело оборачивалось его собственной глупостью.

Зачем вообще надо было стремиться сюда? Разве его кто-то тут ждал? Даже если бы здесь не оказалось новых жильцов и дача оказалась пустынной, с чёрными, неосвещёнными окнами — в чём бы он убедился? Что у него не было прошлого? Да разве думают о таком изгнанные собаки? Ну, а если произошло то, что он увидел — что делать с этим? Появились новые хозяева. И они знать не знают никакого Брэка. Зачем он им? Да и зачем они ему?

Выходило, Брэк наивно надеялся, что вдруг откуда-то вернётся Анзор? Бывший и не очень-то любивший его хозяин почти с собачьим именем?

Да ведь он же умер. И его смерть видел Брэк. Может, он единственный из всех живых существ и видел эту смерть: пошёл ливень, осветилось небо, громыхнуло и раз, и другой, и много раз, и хозяин оказался на земле в рубашке наполовину белой, а наполовину красной.

Получалось, Брэку надо было бежать из этого дома, шляться по чужим улицам, добраться до плоскогорья по имени полигон, стать самым опытным среди собак, похожих на бомжей, и по-прежнему не верить себе!

Не верить, что нет у него больше дома.

Нет хозяина, относившегося к нему равнодушно — с какой бы радостью простил он ему это равнодушие! Да и давным-давно всё и так уже простил! Но вот себе не верил! Не верил!

Однако как теперь уйти отсюда? Забор участка переменялся точно так же, как и ворота — стал высоким и скользким — ведь он теперь был из железа. Не за что зацепиться когтями, и перемахнуть с разбега — слишком высоко.

Брэк лежал, вжавшись всем телом в снег, недвижимый, как полено, и терпеливо ждал.

Выход придёт, как приходит он ко всем и всегда, надо только набраться терпения. Нетерпеливые погибают раньше — даже если он этого не знал по себе, правду подсказывало предчувствие. Опыт предков.

Он лежал и лежал.
И вот здесь всё началось.

II

Дачная дверь захлопала, и люди посыпали в зимний двор.

Сколько их тут было: женщины, мужчины, дети. И даже старики со старухами. Все они возбуждённо кричали, держа в руках бокалы, стаканы, белые кружки, другие же тащили тёмные бутылки с белыми обмотками на горлышках.

Брэк знал и по бывшей своей жизни, что это такое, и недовольно отвернул морду. Но в прежние времена хозяин делал это раз или два, не больше, пёс уходил в лес, подальше от смеха и хлопков, похожих на выстрелы, и стоял там, пока Анзор, отсмеявшись и открячавшись, не уходил в дом. Но теперь здесь была целая толпа.

Страх вызывал их общий крик — отдельные слова и фразы, сливавшиеся в бессмысленный ор. Потом что-то захлопало, вино разливалось по сосудам, его пили, снова кричали, потом по басистой команде все стихли — не мгновенно, другое.

И все снова заорали!

А потом!

Потом раздался страшный грохот. Он нёсся со всех сторон — из леса, от будки, где когда-то ночевал Брэк, от сараев, от входа в дом, и, наконец, из-под забора, из-за спины Брэка.

Этот грохот, сопровождаемый свистом, возносил в небо какие-то красные крошки, и они взрывались, превращаясь в огненный страх.

Как тогда!

Но тогда было лето, лил дождь, молнии сверкали хоть и жутко, но где-то очень-очень высоко, может, только одна блеснула поблизости, за забором, а сейчас!

А сейчас вся земля как будто летела вверх, а сверху спускались разноцветные, слепящие, отнимающие всякие силы, парализующие огни.

Брэк не взвыл, не издал ни единого звука, он вскочил и в ужасе бросился прочь. Он не избирал путь, потому что им управлял даже не страх, а ужас. Он нёсся по прямой, и эта прямая проходила через человеческую толпу. Он пролетел свозь неё молча, но человеческая толща завизжала, заверещала, заблелала, будто в неё врезался разящий меч.

Первыми закричали дети, потом женщины. Мужчины закричали тоже, но чуть позже и слегка иначе. Они будто бы пугали Брэка, но у них не было чего-то, чтобы испугать навсегда. Они и подумать не могли, что собака, проскочившая между ними, уже и так испугана. Ими. Их дурацким развлечением, которое с грохотом разрывает воздух, спокойствие, мир, чтобы возбудить их мнимой радостью, которая никакая не радость даже для их собственных детей, а испуг, страх, надрыв и несправедливость.

Толпа орала и бесновалась. Теперь уже было неясно, радуются они или страшатся явления пса.

А Брэк, будто заведённый, будто ударенный в самое сердце, будто смертельно задетый и умирающий, носился по лесной своей и давно забытой тропе, пробивая её вновь. Упрятанный за забор, он будто бился в большой коробке с высокими стенами, не в силах вырваться из неё и не способный справиться со своим страхом.

Потом он увидел, что ворота снова распахиваются, вернее, яркий луч фар прорезал лес, в котором бежал неизвестно куда, Брэк, и вся его интуиция, весь его опыт приказали бежать на этот свет, чтобы вырваться вон с этого участка, выбежав на дорогу, к своей своре, оказаться свободным.

Это было не так-то просто. Требовалась храбрость. Да что там — настоящая отвага. Но не отчуждённая волчья отвага, а собачья храбрость, допускающая всё-таки, что не все люди — враги.

Он прижал уши к затылку и кинулся к воротам.

Вновь он появился неожиданно. И снова люди заверещали на все голоса. Но он знал, что свободен. Почувствовал, что вырвался.

В несколько скачков, обходя людей — детей, женщин, мужчин, стариков, он вырвался в коридор, образуемый заборами.

И помчался на окраину посёлка — в кусты, неудобья, пустынные прогалины.

12

Он не думал о своре. Не знал, что с ней стало. Ужас не покидал его, потому что стрельба, столь милая сердцам глупых людей, продолжалась.

Коридор из высоких заборов был, наверное, единственным местом, откуда не взлетали огни. Когда он достиг нежилых мест, успокоение не пришло. Пальба раздавалась отовсюду. Почти смыкаясь между собой, селения праздничной своей стрельбой границы на земле стирали окончательно и бесповоротно.

Казалось, такое свободное, такое чистое, принадлежащее всем живым звёздное небо растеряло все свои мудрые звёзды в бесконечных и суетных вспышках фейерверка.

Не выбирая дороги, держась только как можно более удалённых от слепящих огней мест, Брэк, слегка снизив скорость, бросился в сторону. Это было странное, не собачье, без всяких предчувствий, решение — потому что стреляли отовсюду.

Он услышал шорох, обернулся. За ним следовал Мохнач. А далее, вразной, оставшая свора.

Пальба раскидала её, но она же и соединила вновь, потому что бежать от страха, так же как и бежать к спасению, было разумнее вместе. Сообща.

Никто теперь не думал о голоде, хотя великий этот господин никуда не делся. Он просто отступил перед ещё более важным господином — страхом.

И страх пока что не торопился отпустить свору.

Она бежала по лесу, выходила на тропки, потом на дорожки и дороги, но это был не настоящий лес, а пригородные и придачные перелески, тоже напичканные жильём, пусть не ограждённым высоченными заборами, и от этих, часто убогих, каких-то обескровленных, унылых днём жилищ, в новогоднюю ночь палили, может, ещё яростнее, то ли заглушая свою дневную некрасивость, то ли на что-то намекая тем, богатым, расположенным невдалеке за своими заборами.

Брэк не оглядывался: не так уж это и принято в сворах — оглядываться на остальных. Отстал, значит, отстал, сбился с пути — так тому и быть. Но у своры никому не нужных, отверженных и голодных собак всё-таки существует свой заводной механизм: бежать, не останавливаясь, если жизни грозит смерть.

13

Они пробежали довольно много и углубились в лес, где уже не было жилья. Остались в стороне тёмные профили брошенных сараев, может быть — ферм, однако живого духа уже не было слышно.

А за спиной всё грохотало. И небо по-прежнему страшило чужими всполохами.

Они остановились.

Брэк бухнулся в снег и стал разгорячённо лизать его. Остальные вели себя по-разному, в зависимости от привычек. Кто-то сидел. Кто-то лежал тоже. Из тьмы выходили новые собаки, и Брэк настороженно поднял уши: это были чужие псы.

Ему пришлось встать и, несмотря на то, что страх всё ещё не отпустил его, довольно внятно прорычать. Подходившие не возражали. Начальственный рык признавался сразу и безоговорочно, получалось, что Брэк удостоверился — если не за старшего, то за самого опытного.

Ещё бы!

Подходившие чужаки были одиночками. В крайнем случае, маленькими группками из двух-трёх собак. Некоторые, может быть, и не были окончательными-то бедолагами, паслись возле какой-нибудь столовки, возле кафе, где всегда подкинут, подбросят, подадут. Но грохот новогоднего салюта всех погнал в бега, всех напугал, озлобил, растревожил, сбил с толка. И вот теперь они, следуя от селений, соединялись, сливались во что-то уже не совсем похожее на собачью свору — может, на воинство какое, почти на стаю — только не на умную волчью, которой надо выживать и если воевать, так на жизнь и на смерть, а на нечто похожее на людскую толпу. Может, и многочисленную, и многолюдную, и жаждущую жратвы и питья, в которой, конечно, же, найдётся один-другой безумный буян, крикун, нетерпимый и нетерпеливый. Такой недоумок способен даже и повести за собой других, не имеющих общего сознания, и втолкнуть их в ругань, в драку, в бойню, но такой и первым же выскочит из неё, отряхиваясь и прихорашиваясь и указывая на них, как на виновных...

Словом, чем больше куча живых, тем хуже они управлялись. И Брэк вовсе не радовал прирост своры, напротив.

Он вдруг и как-то сразу почувствовал, что одному ему со всеми не управиться — впрочем, разве он стремился к какому-то управлению? И всё же ему нужен был союзник. Если не друг, то существо, понимающее, что такое смысл и безопасность своры.

Он огляделся. Мохнач лежал неподалёку.

Брэк подошёл к нему, и тот уважительно поднялся. Впервые за всё время их знакомства они обнюхали друг друга.

С ужасом и сочувствием Брэк понял, почему Мохнач был таким неуверенным: люди лишили его мужского достоинства. Попросту кастрировали.

Куда, где, как, почему и зачем — этого псы не понимают и не узнают, но это происходит, и коли происходит в родном доме, так, может, оно и было бы прощательно. Но если потом бросают? Выдворяют за ворота, даже не убив? За что же такие-то наказания...

Они поняли друг друга: надо было возвращаться на плоскогорье. Там их место.

14

Они побежали вперёд. Даже если эта дорога уводила от города, всё равно где-то предполагался выход к шоссе, а уж по нему они доберутся к своему печальному дому — это загадка не из сложных.

Теперь Мохнач шел рядом и на полшага позади, как человеческий адъютант или заместитель, и Брэк внятно чувствовал, как время от времени сотрясается всё тело мохнатого товарища. Это же самое происходило и с ним.

Их была мелкая дрожь — так из собак выходит страх. Испуг, забравшийся в нутро, выбирался, доставляя озноб, муку, безрадостное воспоминание. С воспоминанием-то хотелось, да и надо было расставаться, да и как только можно быстрее — только тогда налаживался дух, который и без того угнетён и подавлен затянувшимся голодом и ещё основательнее затянувшимся бездомьем.

Вот так, подрагивая, освобождаясь от ужаса новогодней ночи, они бежали незнамо куда, но вперёд, вперёд, уверенно и твёрдо.

За ними бежала свора бедолаг с полигона, ещё десяток, может, примкнувших к ним беглецов, даже по внешнему виду, толпа, способная вызвать опасение.

Толпа была голодной. Вернее сказать — очень голодной. И сильно напуганной была эта свора.

Уступая место господину голоду, господин страх иногда даёт промашку, уж слишком несерьёзно уменьшаясь в размерах.

Это понятно, потому что ничего в мире, кроме аптечных весов, с помощью которых делаются лекарства, даже часы, даже время, не бывают совершенно точны в своих измерениях. Да ещё такие неточные понятия, как страх и голод! Их ведь всегда много! Большой страх, как понятно без слов,

подавляет голод совершенно: чем сильнее страх, чем опасней угроза, тем легче отступает всё остальное! Но попробуй только страх отступить! И всё! Голод отчего-то становится смелым! Опасным! Даже наглым!

15

И тут они услышали смех. Невинный детский смех.

Свора будто споткнулась.

Зима, лес. Собаки сбежали подальше от людей, от их выстрелов. Наконец-то звёзды над головой, и не какие-то, а огромные, будто доверчиво приблизились к их собачьим глазам и утешают их: не бойтесь, всё обойдётся и настанет новый яркий день.

И вдруг, ни с того, ни с сего — это!

Детский смех.

Точнее — это понимала каждая из собак — смех маленькой девочки.

Они смягчили свои шаги. Далёкий опыт опасных предков повелел им идти осторожно, и сначала понять, что это всё значит. И как с этим быть.

Свора двигалась по лесу, который впереди прерывался, образуя поляну.

В дальней её стороне высилась горка, не очень уж и высокий, но холм, а на его вершине стоял чёрный деревянный дом с оконцами, светившими голубым.

Там, на вершине холма слышались человеческие голоса, но если и возбуждённые, то радостно и покойно — такими голосами люди умеют обращаться к собакам и котяткам в начале их жизни, лаская их и жалея.

Но тут люди говорили между собой — мужчина и женщина, а звонче их говорила маленькая девочка.

И отсюда, из лесу, где остановилась свора и замерла в ожидании, спрятанная тенями деревьев, было ясно: девочка вкусно пахнет.

Нет, она пахла, как все девочки на свете. Но она ела пирожок с мясом. Всего только один пирожок. И всё было бы просто, если бы там, на холме, она его съела, а потом бы стала делать, чего только пожелает.

Но девочка села в санки, ещё раз откусив пирожка, мужчина наклонился к ней и толкнул санки с холма.

Она засмеялась и покатила вниз, откинув в сторону ручку с пирожком.

Что тут делалось!

Приблудные к своре псы, стоящие сзади, кинулись, обгоняя передних, вперёд, запросто обогнали Брэка с Мохначом и устремились к горке.

Поначалу они шли молча, почти как волки, и Брэк подал голос, чтобы люди спохватились и защитили девочку.

Но люди не могли понять, что происходит.

А девочка катилась вперед, на собак, и всё смеялась. Никак не могла испугаться.

Наконец, мужчина, стоявший на холме, побежал вниз.

Он кричал на свору, стараясь её утешить, и у него не было другого звука, кроме одного отчаянного и до края наполненного страхом звука:

— А-а-а-а!

И женщина наверху кричала:

— А-а-а-а!

А девочка катилась и катилась.

И свора летела к ней. Всё ближе и ближе.

Не один Брэк лаял теперь, а ещё и Мохнач.

Московский сторожевой пёс всё-таки был большим и породистым. Его скачки, освобождённые теперь от страха, были громадными, и он обогнал Брэка.

В какие-то секунды, очень при этом трудные для него, он догнал сорвавшихся дураков и свалил их, при этом не останавливаясь.

Впереди было двое ретивых пришлецов. Мохнач столкнул своим мощным корпусом сперва одного — и тот свалился, а затем, не останавливаясь, другого. Вот что такое настоящая порода.

Свора не остановилась, она неслась, но настырность этого движения сло-

малась. Собаки с полигона стали притормаживать, однако прибившиеся были уверены, что всем правят нравы своры, и пёрли вперёд.

Мохнач, потративший силы на сброс дурных наглецов, побежал медленнее. Пусть самую чуточку, но всё же.

И тут Брэк выжал из себя всё прошлое упряжных лаек.

Он выдвинулся вперёд, вырвался не просто на корпус-другой, а обошёл всех метров на пять.

Санки с девочкой остановились. И он заслонил их собой. Подоспел Мохнач.

Два пса закрыли маленькую девочку, а она всё смеялась!

Потом встала над санками, расставив свои ножки, размахнулась и кинула, умница, в собачью толпу остатки своего пирожка.

Свора кинулась к нему, пришлые сцепились в клубок с полигонскими. Визг и лай могли перепугать кого угодно, а девочка всё смеялась, когда побежал отец.

Он схватил её на руки и кричал отчаянно в жутком страхе:

— Доча! Доченька! Ты в порядке?

И она прокричала, ангельским, тоненьким, как летний стебелёк, голоском:

— Папа! Да это же собаки!

И прибавила:

— Друзья человека!

16

И слава Богу, что Брэк не понял слов этой девочки. И Мохнач не понял. Они ведь понимают только выражение человеческих слов. А выражение, которым прокричала девочка всего-то два простых слова, были нежными, ликующими. И совершенно уверенными.

17

Свора чуть потопталась, а потом пошла за Брэком и Мохначом. Дорога, на которую они свернули, вела, пожалуй, к другой дороге, пошире, а та — к шоссе, по которому снова нёсся железный поток, и надо было ещё изрядно пробежать, чтобы добраться до полигона, до своего плоскогорья, куда скоро после праздника каких только отходов не навезут люди...